

CHRONICA

А. Ю. Прокопьев

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К 400-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

30 октября 2018 г. в стенах Российской Национальной Библиотеки состоялась международная научная конференция, приуроченная к печальному юбилею 1618 г.: «*Euroa querula et vulnerata. К 400-летию начала Тридцатилетней войны*». Организаторами конференции стали кафедра истории средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета и отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки.

События далекого 1618 г. сегодня вновь в центре внимания не только европейских и отечественных историков, но и широкой общественности, политологов, специалистов в области международных отношений и права. О тридцати трагичных годах, как и в 1998 г., по случаю годовщины подписания вестфальских трактатов, говорят с высоких трибун. Тому есть немало объяснений. Мир начала XXI в. переживает невиданную доселе динамику во всех сферах. Процессы перемен охватывают и увлекают своим течением огромные массы людей и обширные регионы. Представление о глобализации удивляет, пугает, побуждает к поиску индивидуальных и коллективных идентичностей. Вполне естественным становится и желание взглянуть нечто схожее с современностью в далеком прошлом — по масштабу, по последствиям и по числу жертв. Не случайно Тридцатилетнюю войну уже с середины минувшего века настойчиво пытались мерить катастрофами двух мировых

войн, параметрами глобального кризиса, охватившего тогда, как казалось, всю Европу и породившего каскад затяжных социальных потрясений.

Чем дальше, тем больше события, последовавшие вслед за пражской «дефенестрацией» представлялись предтечей современных проблем: поединком «протолиберализма» и диктатуры «абсолютной монархии», схваткой во имя религиозных свобод и толерантности против деспотии, опытом первого строительства международного права. Сегодня дискуссия слово бы распалась на два вектора: один уходит в заоблачные выси ультрасовременных социальных и политологических теорий, вплоть до намерений актуализировать войну, представить ее матрицей решения современных международных конфликтов, другим — проваливаясь на уровень единичного и индивидуального: восприятия ее современниками тех кровавых дней. Идет давний спор макро- и микроистории.

Организаторы конференции не ставили задачей охватить весь горизонт проблем, поделить тематику на составные части по линии общественной и духовной истории, как то часто наблюдается на аналогичных мероприятиях. После предварительных консультаций решено было максимально сузить проблемный блок, выражаясь языком исследования, «обострить» дискуссию несколькими важнейшими темами. Подчас восприятие емко преподанной информации за короткий срок больше содействует продуктивному осмыслению, нежели вереница больших и малых выступлений, растянутых на несколько дней.

Выступления призваны был обсудить историографический феномен Тридцатилетней войны, состояние источников в российских собраниях, аспекты войны на межрегиональном и региональном уровне, восприятия ее современниками и значение для духовного и общественного климата эпохи.

Историографическая проблематика нашла отражение в сообщениях А. Ю. Прокопьева (Санкт-Петербургский государственный университет) и Ю. Е. Иволина (Смоленский государственный университет), открывших утреннее заседание 30 октября. А.Ю. Прокопьев обратил внимание на своеобразную эволюцию представлений о войне за последние четыре века.

Ее величали «немецкой» и она не получила никакого целостного осмысления за рубежами Германии вплоть до XIX в. Для немцев она была тягчайшим несчастьем, а Вестфальский мир — желанным избавлением от многолетних испытаний. В XIX в. война превратилась в идеологический и политический инструмент в спорах о путях объединения Германии и лишь с середины XX в. внезапно утратила «немецкую» ипостась: под влиянием конъюнктуры ее все больше рассматривали общеевропейским феноменом с общеевропейскими последствиями. Логичным итогом стала глобализация восприятия, что сегодня находит отражение во множестве публикаций, в том числе вышедших из под пера политологов. Возможно ли соотнести масштабные концепции с опытом микроистории, со взглядом самих современников, дневниковые записи которых и мемуары сегодня все активней вовлекаются в научный оборот?

Ю. Е. Ивонин обратился к статистике «памяти», отметив, что по данным опросов Тридцатилетняя война до сих пор воспринимается большинством немцев одной из самых величайших катастроф их истории. Вопреки многочисленным потрясениям XX в. историческая память немцев по-прежнему цепко держит в своих руках 1618 г. В докладе получило подробное освещение состояние дискуссии об истоках и параметрах войны в современной немецкой и англо-американской историографии. Смена трактовок логично вытекала из менявшейся общественно-аполитической конъюнктуры самой Европы. Нынешняя «глобализация» ее природы лишь неизбежное следствие общественных процессов современности.

Обзор собрания Российской Национальной библиотеки по истории Тридцатилетней войны было представлен в докладе В. В. Шишкина (Санкт-Петербургский государственный университет). Отдельные фонды располагают весьма богатым материалом: фрагментами частной и служебной корреспонденции высокопоставленных лиц и государственных деятелей, актами княжеских и королевских канцелярий, военными сводками, наконец, печатной продукцией, включая брошюры и листовки. В фонде Сухтелена, например, можно найти автографы почти всех крупнейших действующих лиц Тридцатилетней драмы,

включая Тилли, Валленштейна, «зимнего короля» Фридриха V Пфальцского, Густава Адольфа, канцлера Оксеншерна и многих других. Основной акцент в докладе был сделан на аспектах франко-шведских отношений периода войны с основой на внушительный корпус неизданных французских документов. В центре внимания оказывается дипломатия кардинала Ришелье и его немецких союзников, прежде всего герцога Бернгарда Саксен-Веймарского на решающих рубежах 1635–1638 гг.

Сообщение Т. Н. Таценко (Санкт-Петербургский Институт истории) фокусировалось на архивных фондах Института. Был дан подробный анализ одного из самых известных документов кануна войны — союзного акта Евангелической унии 1608 г. Экземпляр, ныне хранящейся в фондах Института истории, анализировался с точки зрения истории происхождения, структуры и письма.

Сюзан Рихтер (университет Гейдельберга) затронула вопрос международного резонанса Вестфальского мира. Как известие о достижении согласия в Европе отозвалось в других уголках земного шара? Основное внимание было даровано реакции японских властей, рассматривавших окончание войны сквозь призму торговых отношений с Голландией и испано-голландского соперничества. Очевидно, можно констатировать цивилизационную значимость мирных договоров 1648 г., которые способствовали нормализации торговой конъюнктуры, в том числе, и в самых отдаленных уголках земного шара. Здесь обнаруживается результат плодотворных изысканий из области широких международных отношений.

К группе докладов, представлявших, условно говоря, аспект «войны и общества», относились сообщения Михаэля Рота (университет Гейдельберга), О. В. Русаковского (ВШЭ Москва) и Джонатана Спанглера (университет Манчестера).

Михаэль Рот исследовал поведенческую модель одного из героев первого этапа войны — маркграфа Баден-Дурлахского Георга Фридриха (1573–1638). Главное внимание было уделено его завещанию, написанному перед выступлением в пфальцский поход 1622 г. и введившего его сына Фридриха в статус правящего государя. На примере Георга Фридриха была развернута проблема соотношения имперской лояльности государя-кальвиниста

по отношению кроне и восприятия его обязанностей перед собственными подданными. Насколько оправдано было отречение маркграфа с точки зрения перспектив его наследственных земель, было ли это актом «политической мудрости» по меркам эпохи?

О. В. Русаковский затронул проблему «эго-документов»: особенности восприятия военных событий в зеркале дневниковых записей одного из горожан Вюртемберга 30-х гг. Отмечается региональный, локальный, кругозор подобного рода сочинений. Тем не менее, формальная ограниченность информации не исключает возможностей реконструкции менталитета и характерных поведенческих черт свидетелей войны. Подчеркивается, что потрясения войны находили лаконичный, но емкий отчет под пером современников. Ценность подобного рода источника весьма велика, их наличие и возможности еще не до конца изучены.

В свою очередь, Джонатан Спанглер обратился к судьбам Лотарингии и знаменитого гравера Жака Калло (1592–1635), оказавшегося свидетелем военных лет, чьи произведения до сих пор рассматриваются эталоном общественного восприятия трагедии. Сколь сильно лотарингские земли были связаны с Империей и французской короной и насколько местный партикуляризм был ориентирован на Париж или Габсбургов? Докладчик особенно сильно подчеркивал специфику династических связей местной знати, ее географию и стратегию соседей Лотарингии, стремившихся использовать особенности важного региона.

Внушительную группу выступлений формировала тематика «войны, культуры и духовной сферы». З. А. Лурье (Санкт-Петербургский университет) исследовала влияние войны на профессиональный театр первой половины XVII в. Насколько оправдано говорить вообще о «конфессионализации» театральной жизни кануна войны, что было общего у католической и протестантской драматургии Германии тех лет и насколько религиозная пропаганда через театральные подмостки формировала общественное мнение и выступала альтернативой иным видам художественной деятельности?

В докладе Джеффри Смита (университет Техаса) говорилось о влиянии изобразительного искусства и архитектуры иезуитов

эпохи Тридцатилетней войны. Широкое использование современных для того времени опций художественной жизни влекли формирование некой модели общего стиля, хотя и регионально сильно различного. Иезуиты оказались востребованы и шли в авангарде творческого осмысления наследия Ренессанса. Для Германии это имело особенное значение, поскольку стала важным рычагом конфессиональной реставрации в католических владениях после окончания войны. «Интернационализм» иезуитского стиля, межрегиональный обмен творческими кадрами и протекция княжеской власти содействовали консолидации католицизма, его устойчивости после 1648 г. Так «художественный стиль иезуитов» стал феноменом европейского культурного наследия.

Сообщение Кристофа Эрихта (Немецкая Евангелическая Церковь Северной Германии, Грейфсвальд) ставило в центр внимание жизненный путь и творчество знаменитого правоведа XVIIв. Гуго Гроция (1583–1645). Автор обратился к разбору его основных трактатов и современной историографии. Тридцатилетняя война и механизм достижения согласия в 1648 г. следует рассматривать в контексте духовного и правового наследия предшествовавшей эпохи: элементы конфессиональной терпимости делали возможным диалог религий и религиозно-культурных сообществ.

В перерывах между заседаниями сотрудниками библиотеки была организована экскурсия в Отдел рукописей, в ходе которой участники конференции ознакомились с выставкой, специально приуроченной к работе конференции и на экспозиции которой были представлены важнейшие документы военных лет. Заведующий Отделом д.и.н. А. И. Алексеев и сотрудник Отдела Н. А. Елагина рассказали об истории и основных фондах Отдела рукописей.

Итоги конференции хорошо иллюстрируют особенности нынешнего дискурса Тридцатилетней войны: необходимость многостороннего диалога микро- и макроистории. Дефицит синтеза обеих подходов до сих пор выступает актуальной методологической проблемой. Решение ее может быть ожидаемым лишь профессиональными усилиями и готовностью отказа от чрезмерной модернизаций событий четырехвековой давности.

Информация о статье

Прокопьев, А. Ю. Международная конференция к 400-летию начала Тридцатилетней войны, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2018. Вып. 4 (2). С. 217–223.

УДК 930:929

Андрей Юрьевич Прокопьев, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9)

a.prokopiev@spbu.ru

Information on the article

Prokopiev, A. Yu. Mezhdunarodnaya konferentsiya k 400-letiyu nachala Tridsatiletney voyny [International conference dedicated to the 400th anniversary of the outbreak of the Thirty Years' War], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2018. Vol. 4 (2). P. 217–223.

Andrey Yur'evich Prokopiev, doctor of History, professor, St. Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Petersburg, Universitetskaia nab., 7/9)

a.prokopiev@spbu.ru